

*Б.В.Раушенбах
на даче в Абрамцево,
2000 г.
(из семейного архива)*

Б.В.Раушенбах

«Убеждаясь И МЫСЛЬЮ, И СЕРДЦЕМ»

<...> Многие ученые в определенный момент своей жизни так или иначе касаются мифа о божественном происхождении Вселенной. Ньютон, как известно, многие годы занимался теологией, а свои занятия наукой считал не чем иным, как служением Богу. О себе так сказать не могу, ибо считаю себя, скорее всего, дуалистом. У нас существует, да и всегда существовало, несколько прямолинейное представление о том, кто такие материалисты и кто такие идеалисты. Но ведь есть еще большой класс дуалистов, о котором почему-то совсем не упоминают. Дуалисты признают одинаково первичными и дух, и материю. Причем двойственность эта как раз чаще всего проявляется именно у ученых естественнонаучного профиля, у физиков, например, и это вполне объяснимо. Потому что, чем больше погружаешься в физические проблемы, тем больше убеждаешься, что там чего-то не хватает. Поэтому ученые, пытавшиеся понять окружающий человека космос, у нас, к примеру, Циолковский, в Германии — Герман Оберт, считали себя дуалистами, полагая, что все одинаково важно, и монистический

В марте исполнился год, как не стало Бориса Викторовича Раушенбаха, академика РАН, блестящего ученого, одного из основателей космонавтики, философа и тонкого ценителя искусства. Не будем перечислять его звания и награды, поскольку сам Борис Викторович относился к ним снисходительно, если не сказать равнодушно. Для нас интересны и важны размышления Бориса Викторовича о науке, об устройстве мира и общества, о нравственности и политике. Познакомиться с мыслями человека, прожившего нелегкую, но невероятно насыщенную и счастливую жизнь, обладавшего блестящим аналитическим умом и безупречной логикой, — это настоящий подарок читателям. К счастью, в последние годы жизни Борис Викторович успел подготовить с помощью своих близких и друзей две книги «Постскрипtum» и «Пристрастие», которые вышли в издательстве «АГРАФ» в серии «Символы времени». Кстати, это издательство создано учениками Б.В.Раушенбаха — выпускниками Физтеха. Предлагаем вашему вниманию главу из книги «Пристрастие», которую мы публикуем с небольшими сокращениями.

взгляд — что важно только одно или только другое, — является в известной мере упрощением. На самом же деле реальная картина сложнее. Ведь дуализм необязательно вера или, лучше сказать, конфессия. Это просто признаки двух начал.

Однажды мне позвонил один крупный ученый — в области как раз математики и механики, — и сказал, что тяжело переболел, лежал в больнице, много времени оказалось для раздумий, он размышлял о том, о сем и пришел к выводу, что Бог существует. Я, говорит, теперь стал верующим (а мы знакомы много лет, и он всегда был атеистом). Но это, говорит, не значит, что я буду ходить в церковь, я по-своему связан с Богом, и мне этого достаточно.

Так вот, у нас сейчас появился большой круг людей, которые, признавая существование Бога, в церковь не ходят. То есть не собираются примыкать к определенной, конкретной конфессии — христианской, мусульманской, буддистской, — им достаточно знать то, что они знают, во что по-своему верят, не посещая храма, не соблюдая религиозных обрядов. Это и есть тот самый дуализм, о котором я говорю. И он неожиданно широко распространяется.

Нас усердно учили, что материя первична, а все остальное вторично. А многие ученые все-таки считают, что такое утверждение — чепуха. Например, Сахаров — я часто ссылаюсь на него по этому поводу, потому что он был человеком исключительной честности и смелости и никогда не подделывался и не подстраивался, — Сахаров считал, что в мире существует *нечто* вне материи и ее законов, нечто, что тепляет мир. И добавляя: это чувство можно считать религиозным. Если понимать под религией такое чувство, которое говорит об осмысленности мироздания, что миро-

здание не случайное собрание молекул или еще чего-нибудь, а нечто, имеющее смысл, цель, то такого мнения придерживаются очень многие. Это довольно значительная прослойка, которая признает, что существует *нечто*, но в церковь не ходит и не становится верующей в общепризнанном значении: следовать церковным обрядам или совершать намаз сколько положено раз в день, и так далее.

Пытаясь понять происходящее, я стремлюсь смотреть на это как бы со стороны. Хочу быть не «внутри», а «снаружи», наблюдать как бы извне. Только так можно сохранить объективность при изучении любого феномена общественной жизни. Потому что как только примыкаешь к какой-либо партии, немедленно искажается представление о целом. Я пытаюсь оставаться нейтральным во время анализа изучаемого явления, то есть быть как бы и верующим и неверующим, и атеистом и религиозным человеком одновременно. Надо отрешиться от партийных пристрастий, и тогда можно смотреть на происходящее шире. И, становясь на такую точку зрения, я вижу, что очень большое количество людей — неожиданно большое для меня, — считает, что материя и ее законы не в состоянии объяснить всю сложность нашего мира. Они это поняли, но не сделали из этого обязательный вывод о необходимости посещать церкви, мечети, синагоги... Может быть, в этом проявляется своеобразие нашей страны с ее специфической историей, может быть, это неизбежный этап при переходе к традиционной религиозности.

Возможно, в таком отношении к религии есть некоторая парадоксальность, опять же глядя со стороны. Я говорил о некоторой отвлеченной религиозности, но когда заводишь речь о конфес-

РАЗМЫШЛЕНИЯ

сиях, то есть делаешь следующий шаг и переходишь к тому, чтобы жить в церкви, в широком смысле слова «жить» — в христианской, мусульманской, еврейской, в какой — не играет роли, когда переходишь к конфессиям, то возникает вопрос о том, какая конфессия тебе наиболее подходяща. Это естественно. Моя точка зрения, что конфессии рождаются вместе с народом и менять их не следует. Скажем, для России я не вижу иной подходящей конфессии, кроме православия. Почему? А потому, что у нас вся жизнь столетиями текла по православному. Православие вошло не только в облик храмов, но и в язык, в поговорки, в народные приметы. Вся жизнь наша православна, даже у атеистов, которые придумали когда-то моральный кодекс коммуниста. «Вот тебе Бог, а вот — порог», — так сказать может только православный, потому что в красном углу избы висит икона. То есть этим духом настолько пронизаны наше сознание, даже подсознание, что я не вижу никакой другой конфессии для России, кроме православия.

<...> Понятия о том, что хорошо и что плохо, мы усвоили с детства, и они кажутся нам естественными. А ведь это православные понятия, они внушались народу тысячу лет с момента крещения. Так что многие, даже не зная об этом, живут в православном мире, по православным понятиям. И конечно, ломать этот уклад было бы неестественно.

Мне могли бы возразить, что понятия «хорошо» и «плохо» — у всех в равных делах и православие здесь ни при чем. Это глубочайшее заблуждение. Когда еще Советский Союз дружил с Китаем, я заинтересовался этой страной и одолел всю переведенную тогда на русский язык китайскую средневековую литературу, несколько тысяч страниц — она тогда издавалась у нас в больших количествах. Сначала читал с большим трудом — «Речные заводи», «Сон в красном тереме», «Путешествие на Запад», «Троецарствие», — потому что сюжетное построение романов очень непривычное, но не в этом дело. В китайской литературе, как и в любой другой, существует положительный герой, который, естественно, совершает положительные, благородные поступ-

ки. Народ очень образно прозвал в романе «Речные заводы» такого героя «Благодатным дождем». А с нашей точки зрения, деяния его временами ужасны. Европейец сказал бы об этом конкретном герое, основываясь на некоторых его поступках, что он последний подонок и его надо вешать, а для китайца он — пример благородства. Значит, нельзя говорить, что человеческие понятия всюду одинаковы. Это чушь. Каждый народ имеет свои критерии. И, больше того, некоторые поступки, которые совершают положительные герои в наших романах и которые мы считаем благородными, с точки зрения китайца, средневекового китайца — поступки редкой подлости. Поэтому нельзя говорить о морали, общей для всех людей. Для примера приведу одну ситуацию из китайского романа. Полководец, который должен начать завтра решающее сражение, накануне боя получает письмо о том, что его отец тяжело заболел. Полководец, конечно, герой в лучшем смысле этого слова. Как он поступит, будучи европейцем? Он скажет: родина превыше всего, и — пусть со слезами на глазах, — возглавит армию и выполнит свой долг. Китаец скажет: родина — это хорошо, завтрашнее сражение очень важно, но заболел мой отец, я все бросаю и еду к нему.

Вот благородный поступок в европейском понятии и благородный — в китайском. Они прямо противоположны.

Это общие понятия о том, что хорошо и что плохо. Но я бы подытожил так: весь образ жизни в Китае таков, таковы представления о том, что хорошо, что плохо, что они заметно отличаются от наших. И правы и мы, и они. Можно жить в той системе и все будет хорошо получаться, а можно — в нашей, и с тем же успехом. Поэтому когда мы говорим о нашем «хорошо», то имеем в виду европейско-христианские ценности. Понимать, что такое добро и что такое зло, каждый будет по-своему. Русский — так, китаец — этак. Понимая, что есть добро и что есть зло, человек не всегда поступит по канонам праведности, но всегда будет знать, когда поступает дурно. С точки зрения принятых в его обществе правил. Вынужден, может быть, так поступать. Но это уже отдельный вопрос.

Все чаще людям в голову приходит мысль: не назрел ли синтез двух систем познания, религиозной и научной? Хотя я не стал бы разделять религиозное и научное мировоззрения. Я бы взял шире — логическое, в том числе и научное, и внелогическое, куда входит не только религия, но и искусство — разные грани мировоззрения. Так вот, если грубо рассуждать, очень грубо, то можно сказать, что они друг от друга не зависят. Одна половина мозга занимается логической частью, другая —

внелогической. Это даже в какой-то мере разделено физиологически, на левое и правое полушария. Одно включает логические знания, в том числе и науку, и речь, и так далее, другое занимается внелогическим познанием мира, там сосредоточены чувство красоты, поэзия, религия... Но это очень грубая схема. Мне не хотелось бы, чтобы так препарировали человека: вот левое, вот правое, и они совершенно не связаны. На самом же деле человек — это некое единство, и ему свойственно целостное понимание мира. И обе части одинаково важны, и обе части одинаково дополняют друг друга, если можно так выразиться.

У Гомера есть пример взаимодействия логической и внелогической частей нашего сознания, я уже приводил его прежде. В «Илиаде» Гектор говорит об ожидающей его трагической судьбе:

...Твердо я ведаю сам, убеждаясь и мыслью, и сердцем,

Будет некогда день, и погибнет священная Троя...

Как видите, Гектор ведает и мыслью (основываясь на рациональном мышлении), и сердцем (опираясь на образные предчувствия). Для дальнейшей античной традиции характерно разделение «мнения», то есть того, что получено посредством чувств, и «знания», имеющего своим источником разум. Для целостного же восприятия мира следует, что наука и религия не противоречат, а дополняют друг друга, точно так же, как искусство не противоречит науке, а дополняет человеческое восприятие мира. Наука изучает законы материального мира, что не является целью религии. Поэтому здесь не может возникнуть никаких конфликтов или недоразумений.

Казалось бы, чистая математика не имеет ко всему этому никакого отношения. Но на самом деле это не так. Математика по своей сути — чистая логика, и тем не менее она знает такое внелогическое понятие, как «красота». Люди, занимающиеся математикой, знают, что нередко существует несколько доказательств какой-либо теоремы. Они все безупречно-правильны, но любой математик выделит из них одно или два, отличающиеся особой красотой. Эта красота является ощущением того, какими тонкими логическими ходами, переплетением их и часто неожиданными заимствованиями из других разделов математики получено доказательство. Многие особо ценят при этом не столько результат (содержание теоремы), сколько ее изящное доказательство. Поэтому нельзя утверждать, что математика не эмоциональная часть мышления.

Я нарочно взял математику, ибо этим примером пытаюсь показать, что все сплетено. И нельзя это разрывать. Конечно, для упрощения, рассуждая грубо, грубо моделируя, мы делим в жизни: наука-искусство. Но это возможно только в самом первом приближении. То, что это неверно, доказывает, например, следующее: вот я говорил, что математика красива, так? Но, с другой стороны, и религия — это логика.

Религиозные переживания — о них можно говорить отдельно, и говорить очень много. Это сфера эмоционального. Но существует ведь и богословие, совершенное логическое построение наподобие философских систем — суховатое, строгое, как математика; оно держится на логике, вспомним хотя бы великих западных католических схоластов. Это же настоящие ученые! Богословие как бы оппозиция религиозному переживанию, сухая материя, которой могут заниматься и атеисты. Да, атеисты могут прекрасно заниматься богословием, ведь в нем есть некая система аксиом, система канонов, из которых логически выводится все остальное. Поэтому, несколько утрируя, можно утверждать, что богословием способен заниматься даже человек неверующий, например искусствовед, комментируя богословское содержание икон.

Существование логически строгого богословия наряду с глубоко интимным религиозным переживанием и красота сухих математических доказательств свидетельствуют, что на самом деле разрыва нет, что есть целостное восприятие мира. Но если рассуждать приблизительно, повторяю, очень грубо, то, конечно, есть и логическое — это наука, и внелогическое — это искусство, этика, религия и прочее.

Именно логически я подошел к существованию «гена религиозности», как в свое время математически показал, что понятие Троицы безупречно, я как бы «вычислил» этот «ген» из наблюдения за происходящими явлениями.

Еще до современной генетики люди заметили, что есть свойства, которые передаются по наследству. Лучший пример — бурбонский нос, он приводится в разного рода литературе. Многие поколения французских королей из династии Бурбонов имели массивные, характерные носы. Тогда не было понятия о генах, но все знали, что некоторые фамильные признаки передаются из рода в род. И вот, наблюдая реальную жизнь, я обратил внимание, что потребность в религии может передаваться по наследству. Какие возможны здесь аналогии?

Начнем с того, что никого не удивляет, если некий человек имеет способ-

ности к рисованию, а через некоторое время из него вырастает крупный художник. Никого не удивляет, если из музыкально одаренного ребенка формируется замечательный музыкант. Больше того, мы знаем, что иногда это передается потомству: есть целое семейство художников Брейгелей, писателей Дюма, композиторов Бахов, Штраусов и так далее. Иногда это проявляется через поколение, иногда через два поколения. Если проявляются определенные способности такого рода, то почему не может проявиться способность к религиозному чувству? Это ведь тоже своего рода одаренность.

Обратите внимание, что, как правило, способных людей не так много. Хорошо, если в школе, в одном классе, есть два-три ученика, преуспевающих, например, в рисовании. То есть их всегда какое-то ограниченное число. Вероятно, столь же невелико и число учеников с явно выраженными музыкальными способностями или артистическим талантом. Но тогда естественно предположить, что таково же будет и число детей, обладающих способностью к религиозному переживанию, тоже своего рода творчеству. По моим подсчетам, у нас людей с ярко выраженной способностью к религиозному переживанию всего 10–15 процентов от общей массы. Примерно столько же, сколько способных к какому-либо искусству учеников в классе. Такое процентное соотношение совпадает и с Западом: я беседовал однажды с пастором из Германии, оценивая количество глубоко верующих в его церкви, и мы сошлись в том, что число их примерно одинаково и у нас, и у них. Десять-пятнадцать процентов.

Как же ведут себя остальные 85–90 процентов людей? Ответ прост: так, как принято в обществе. На Западе они посещают церковь, «когда положено» (в праздники); посещая церковь, постепенно приобщаются к вере, многие становятся искренне верующими, точно так же, как и не надежный особыми музыкальными способностями человек может стать любителем и ценителем музыки, если его с детства регулярно водили в филармонию.

У нас эти 85–90% людей просто не посещали церковь, поскольку это было опасно для служебной карьеры и казалось многим чем-то свидетельствующим об их «темноте». В церковь ходили только те, кто без этого не мог жить.

Это обстоятельство не ускользнуло от внимания западных священников. Один из них, посетивший нас во времена воинствующего атеизма, побывав в маленьких, не парадных храмах — именно этого он и хотел, — и был поражен. Он признался: первый раз в его прак-

тике ему удалось увидеть, что все, стоящие в храме, истинно верующие люди. Он определил это по их глазам. В своей церкви, на Западе, ему приходилось видеть таких людей тоже, но это были единицы в массе относительно равнодушных прихожан.

Так вот, люди с такой ярко выраженной способностью и потребностью к религиозным чувствам могут передавать их по наследству. Чтобы придать этому утверждению современную форму, я и ввел понятие «гена религиозности», поскольку, по современным воззрениям, наследственностью управляют гены. В этом наименовании есть, конечно, элемент условности.

То обстоятельство, что и на Западе, и во времена атеизма у нас процент глубоко верующих был одинаков, тоже свидетельствует о «генном» характере этого феномена. Когда такая способность передается по наследству, то вовсе не обязательно отец передает ее сыну, ген этот способен проявиться и через два, и через три поколения, в традиционно атеистической семье он может проявиться у правнучки от известной своей набожностью прабабушки. Как и все другие способности — к музыке, к рисованию, к сцене...

Кому-то эти общие рассуждения покажутся малоубедительными. Но вот отрывок из полученного мною письма:

«Я знаю юную деву, которая представляет третье поколение атеистов. Ее мать и отец — некрещенные, обе бабушки идейные коммунистки... Мать и отец тоже члены партии, и в семье царил чистой воды атеизм. Она — ее зовут Марина, — блестяще закончила английскую школу, была активной комсомолкой, закончила университет, была секретарем ВЛКСМ факультета, и вот однажды ее мать, моя коллега по институту, с плачем рассказала мне, что ее Марина свихнулась. Она крестилась, она постится, когда положено, ездит в храм в Гатчину, поскольку в Ленинграде опасается нежелательных встреч. Это было много лет назад. Мать Марины недоумевала — откуда это?» Если встать на «генную» точку зрения, то тут все закономерно. В Марине реализовалась способность какого-то далекого предка.

Ее естественная способность (и потребность) к религиозному переживанию была первоначально «задавлена» внешними обстоятельствами, и при первой же возможности она дала о себе знать самым убедительным образом. Так бывает и с художественными способностями. Известно, что есть люди, взявшиеся за кисть после выхода на пенсию. Искусствоведы ахают: какой талант! Как жаль, что он не проявился в молодости! А в молодости этому мешали «внешние обстоятельства».

Известно, что наследственно закрепляется только то, что в общем-то важно. Идет некий естественный отбор важных признаков. Я пытался показать в свое время, что религиозное чувство было очень важно в далекой древности. И тут надо пояснить, что я подразумеваю под религиозным чувством. Это ощущение человеком своей сопричастности грандиозным космическим процессам. Человек, который просто не знает, как ученый, что есть галактики, а который чувствует, именно чувствует, не понимая этого, может быть, даже не умея писать, но чувствует, что Вселенная как-то в нем отражается, — такой человек может подсознательно реагировать на эти, идущие в окружающем его близком или далеком космосе, процессы и в результате как бы знать больше, чем это дает логика.

Приведу простейший пример: биологам известно, что многие животные «знают», какой будет предстоящая зима, и соответственно готовят запасы корма. Ведь очевидно, что они «знают» это на внелогическом уровне, причем «знают» то, что недоступно нашим ученым с их компьютерами. Далее. Многие животные заранее покидают места, где может разразиться катастрофа. Наблюдение такого рода хорошо известно. Нет сомнения, что и первобытный человек должен был обладать такими способностями, ведь они были жизненно необходимы.

Древний человек, ощущая все это, в отличие от животных пытался *понять* свои ощущения и сообщить о них другим членам племени. В этот момент он как бы переводил словами свои ощущения, что в полном объеме, ко-

нечно, невозможно. Отражавшиеся в его подсознании космические процессы он был вынужден истолковать как ощущаемое им действие неких Высших Сил, управляющих Вселенной. Иногда он утверждал (наподобие древних китайцев), что такова «воля Неба», иногда — что души предков требуют того-то, иногда — что боги указывают на необходимость таких-то действий. И если этот человек правильно чувствовал, что полезно и что вредно для его собратьев сегодня, если он хорошо ощущал грядущее, то он становился очень полезным для своего племени. Такие способности должны были закрепляться в процессе борьбы за существование и передаваться по наследству. Конечно, не все члены первобытной общины в равной степени обладали этой чувствительностью, и в итоге особо чувствительные становились во главе племени, становились шаманами, знахарями и прочее. Они и дали впоследствии те современные 10–15 процентов людей, обладающих повышенной способностью к религиозным переживаниям.

Я упомянул о том, как понимал окружающее наш далекий предок. Чем же на самом деле являются эти Высшие Силы? Действительно ли они — Провидение, сообщающее нашей жизни во всей ее тысячелетней объятности смысл и цель, или это тупые и безразличные ко всему законы Природы? Однозначный ответ на поставленный вопрос дать нельзя. Верующий скажет, что выше было описано начало процесса, постепенно приведшего людей к единому Богу; атеист будет утверждать, что речь шла лишь о еще не познанных законах природы. Впрочем, это только подтверждает известное давно: логически нельзя доказать ни бытия Бога, ни его отсутствия во Вселенной.

Сегодня имевшейся в прошлом у людей способности руководствоваться внелогическими «знаниями» в том же объеме, который существовал раньше, практически нет. Она пала под напором новых жизненных условий, которые называют «цивилизацией»; человек уже не чувствует себя элементом Космоса, он скорее житель города N, живущий на

улице NN. Это во многих отношениях потеря, которая в известной мере восполняется сегодня религиозной жизнью, возвращающей нас к Исходному.

У нас этот процесс возвращения к Исходному протекает болезненно. Не следует забывать, что живущие сейчас поколения выросли в условиях воинствующего атеизма, который не ограничивался пропагандой своей точки зрения (как это происходит в цивилизованном мире), а, ощущая свое бессилие, включил на полную мощность аппарат государственного принуждения. Запрещалось все, Церковь, оплот Веры, лишили многого, даже возможности делать то, что требует ее учение, — творить милосердие. Один современный архиерей горько заметил, что мы были единственной страной, где закон запрещал творить добро. Если еще учесть, что любую форму проповеди религиозного характера вне стен церковного храма преследовали в уголовном порядке, то, казалось бы, должен был воцариться «научный» атеизм. Но едва люди получили свободу, как стало очевидным, что расстрелы, костры из икон, разрушение церквей, преследование религии и верующих, повсеместная пропаганда атеизма в школах, в университетах марксизм-ленинизма так ничего и не дали. Значит, религия имеет какие-то очень глубокие корни и не является заблуждением, с которым легко могут справиться власть, наука, школа.

<...> Я уже отмечал, что эмоциональная настроенность тесно связана с культурой, и в результате этой связи, качества, если можно так выразиться, этой связи, может получиться или исламский фундаментализм, или тихий старец, который кормит птичек, на манер Франциска Ассизского. Но в принципе религиозное чувство не агрессивно, не несет никакого враждебного начала по отношению к другим конфессиям и к другим людям. Это чувство сопричастности великим космическим свершениям, великим космическим силам. Когда оно превращается в конфессию, сюда примешивается логическая часть. В конфессиях оно невольно начинает что-то доказывать: мол, мое лучше, чем твое, — и из-за этого может развиться вражда. Мы знаем времена борьбы христиан с мусульманами, католиков с гугенотами... Ужасная деформация религиозного чувства приводит ко всякого рода фундаментализму. Сейчас много говорят об исламском фундаментализме, но можно говорить (имея в виду прошлые времена) и о христианском.

В то же время религиозное чувство по сути своей милосердно. Наряду с проявлениями фундаментализма возни-

кают фигуры, подобные Сергию Радонежскому или Франциску Ассизскому. Но такие праведники — единицы, они обладают, с одной стороны, железной волей, пониманием высоких задач, стоящих перед обществом, а с другой — очень мягкой натурой, натурой альтруистического склада, терпимостью, всепрощением, пониманием собственного несовершенства. И хотя их число мало, именно они служат для нас идеалом, к которому надо стремиться. Но, как всякий идеал, это остается идеалом. Я не верю во всепрощенческую идиллию. Если десять-пятнадцать процентов истинно верующих станут поводырями и будут внедрять в жизнь подобную идею, то они послужат примером, и многие последуют за ними по мере своих возможностей. Но реальная жизнь, к сожалению, показывает, что человек праведный живет плохо и бедно, а прохождимец в земной жизни процветает. И так было всегда. Поэтому я не вижу здесь особых перспектив. Люди все-таки прагматики, и нужно просто создать атмосферу, в которой достойное поведение будет особо цениться обществом, хотя, как это ни парадоксально, то, что делают все, не может быть «безнравственным». Оно будет безнравственным по существу, но не в понимании этих людей. И это безусловно. Сейчас, например, все в той или иной мере воруют, поэтому воровство кажется чем-то простительным. Изменить подобный низкий стереотип можно, только изменив соответствующие условия жизни — чтобы воровство перестало быть необходимостью. Тогда привлекут внимание и высокие примеры достойного поведения. И, может быть, что-нибудь получится. Но невозможно, чтобы все стали равными преподобному Сергию, хотя в наше сложное время общероссийский подвижник, аналогичный преподобному Сергию, был бы очень нужен.

Сейчас в церковной жизни идут некие непростые процессы. С одной стороны, возвращение к древним ценностям, и это, безусловно, хорошо. Если только это действительно ценности. А с другой стороны, очень плохо, если это мода. Нынче церковь, к сожалению, это то, что модно. Многие из тех, кто сейчас посещает храм, люди, просто думающие, что так принято. Если это не сопровождается внутренним чувством, внутренней потребностью, то это формальное «отбывание номера», который стал модным. А мода абсолютно противопоказана всякой религии. мода рождает суррогаты, и очень опасные. И я считаю, что нашей Церкви сейчас грозит опасность быть просто модной. Ведь мода — это то, что проходит, потом двадцать лет будет модно не ходить в церковь. Как юбки — сейчас модны короткие, по-

том модны длинные, и тогда их меняют. И дай Бог, чтобы эти люди, которые пришли в церковь из моды, стали там общаться с хорошим священником, чтобы, как говорили раньше, перековаться, чтобы через два-три года Церковь стала для них потребностью, а не модой.

Другая опасность для нашей Церкви состоит в том, что она чрезвычайно расширилась. Открыто много храмов, все это хорошо, но одновременно приводит к ускоренной подготовке, а значит — к падению уровня священников и в результате общего состояния Церкви. То есть появляется ряд негативных моментов. И на первое место я поставил бы падение авторитета Церкви среди интеллигенции, которое сейчас явно наблюдается. Одна из моих корреспонденток, например, пишет:

«...Раньше, когда Церковь была в положении изгоя, я очень сочувствовала верующим, желала улучшения их положения, изменения безобразного законодательства, преследующего за веру. Но вот уже три года я не хожу в церковь, не слушаю проповедей, не читаю религиозной литературы, не интересуюсь более ни иконами, ни духовной музыкой. Мне противно!!!».

Это, конечно, крайне жесткое высказывание, но появление его симптоматично. Церковь должна внимательно изучить явления, которые ведут к этому «противно», даже когда мы имеем дело с единичными случаями. Если просуммировать отрицательные отзывы о деятельности Церкви, то вырисовываются примерно следующие истоки этих отрицательных отзывов.

Очень часто говорят о не всегда разумном отношении церковных властей к бесценному культурному наследию нашего народа. Иногда, отстаивая свои, в общем, законные права, представители Церкви ведут себя вызывающе, разрушая созданное веками представление о священнике как о мягком и добром человеке. Даже если такие случаи немногочисленны, молва о них распространяется мгновенно. Кроме того, весьма прискорбно, что современная Церковь (возможно, следуя давним традициям сначала «императорской», а потом и «советской» церкви) далеко не всегда реагирует на животрепещущие проблемы, волнующие народ: не осуждает сегодня решительным образом всеобщую коррупцию и воровство, процветающие у нас, не осуждает противоестественную сравнительно с Западом разницу между богатыми и бедными, что тоже не способствует росту ее авторитета. Все это бросает тень на Церковь, отрицательно влияя на интеллигенцию, которая тогда, когда это было опасно, помогала Церкви, а

сейчас начинает от нее отходить. Мне кажется, что Церкви следует проанализировать такие явления, какими бы малочисленными они сегодня ни были.

Для выражения необъятной Божьей Милости люди изобрели когда-то слово «любовь». Любовь — понятие широкое. Любовь охватывает все, и лучшее всего об этом сказано в послании апостола Павла коринфянам.

«Если я говорю языками человеческими и ангельскими, а любви не имею, то я — медь звенящая или кимвал бряцающий. Если имею дар пророчества и знаю все тайны, и имею всякое познание и всю веру, так что могу и горы переставлять, а не имею любви — то я ничто. И если я раздам все имение мое и отдам тело мое на сожжение, а любви не имею, — нет мне в том никакой пользы. Любовь долготерпит, милосердствует, любовь не завидует, любовь не превозносится, не гордится. Не бесчинствует, не ищет своего, не раздражается, не мыслит зла, не радуется неправде, а сорадуется истине; Все покрывает, всему верит, всего надеется, все переносит, Любовь никогда не перестает, хотя и пророчества прекратятся, и языки умолкнут, и знание упразднится. Ибо мы отчасти знаем и отчасти пророчествуем; Когда же настанет совершенное, тогда то, что отчасти, прекратится. Когда я был младенцем, то по-младенчески говорил, по-младенчески мыслил, по-младенчески рассуждал; а как стал мужем, то оставил младенческое. Теперь мы видим как бы сквозь тусклое стекло, гадательно, тогда же лицом к лицу; теперь я знаю отчасти, а тогда познаю, подобно как я познан. А теперь пребывают сии три: вера, надежда, любовь; но любовь из них больше».

Это поучение прекрасно само по себе, но мне оно показалось важным еще и в другом отношении. Павел фактически указал на то, чего люди часто не замечают: настоящее религиозное чувство, которое тут явно подразумевается, не требует доказательств. Примитивный атеизм, который у нас проповедовался, говорил: наука доказывает то, наука доказывает

се. Но помилуйте, если я влюбился в девушку, что наука доказывает?..

Честертон, сказавший в биографии Франциска Ассизского, что «вера... подобна не теории, а влюбленности», прав: влюбленность — чувство другого класса. Это внелогическое чувство, чувство как бы из другого полушария мозга... И если вера — это влюбленность, то она не поддается никаким логическим обоснованиям. Ее нельзя логически и опровергнуть. То есть если я люблю девушку, то что бы ни говорили мне родители — что она стерва, что я буду с нею несчастен, приводя соответствующие доказательства, всякие доходы и расходы, и рост, и вес, и еще что-нибудь, — на все это влюбленному наплевать. Никакие, казалось бы, научно безупречные доводы не могут опровергнуть влюбленности, и это надо понять. Все, что касается веры-влюбленности, неподвластно логике. Именно поэтому атеистическая пропаганда, которая ставила своей целью научное опровержение религии, позорно провалилась.

Еще Флоренский обратил внимание, что особенностью православия, в отличие от других христианских конфессий, является опора на любовь в самом широком смысле этого слова. И как хотелось бы, чтобы эта любовь, свойственная православному менталитету, проявилась в нашей сегодняшней жизни с ее беспределом, преступностью, забвением высоких нравственных начал.

Книги Б.В.Раушенбаха «Пристрастие» и «Постскрипtum» можно приобрести оптом и в розницу в издательстве «АГРАФ», а также заказать наложенным платежом по адресу: 129344 Москва, Енисейская ул., 2; тел./факс 189-17-35, тел. 189-17-22; agraf.ltd@ru.net, <http://www.ru.net/~agraf.ltd>

РАЗМЫШЛЕНИЯ

